

*Dedicated to the 185th anniversary of the birth
of Vasily Osipovich Klyuchevsky
(January 16 [O.S.] / January 28 [N.S.] 1841 –
May 12 [O.S.] / May 25 [N.S.] 1911),
preeminent Russian historian*

“Classicism” of V. O. Klyuchevsky: languages and reminiscences

V. V. Dementyeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-1-8-21

Research article
Full text in Russian

The article is dedicated to the analysis of the statements of V. O. Klyuchevsky on the educational significance of the Latin and ancient Greek languages, which the author considers relevant for the modern preparation of students studying in the humanities and social sciences. It is also noted that when conducting research on Russian history, which, thanks to the works of V. O. Klyuchevsky, turned into a genuine science, he not only used the methods of source criticism developed in the study of ancient societies, but also applied stylistic devices referring to Antiquity, its culture and mythology. V. O. Klyuchevsky in the 1860s believed it necessary to expand and deepen the programs for the study of classical languages in Russia; this was implemented later, during the reforms of 1871–1872 of the Minister of Public Education D. A. Tolstoy, which caused a flurry of public criticism, which V. O. Klyuchevsky ironically anticipated.

Keywords: V. O. Klyuchevsky; ancient Greek; Latin; Antiquity; reminiscences

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dementyeva, Vera V.	E-mail: vv_dementieva@mail.ru
	ORCID iD: 0000-0003-1305-3251
	D. Sc. (History), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018)

*К 185-летию со дня рождения
Василия Осиповича Ключевского
[16(28) января 1841 – 12(25) мая 1911]*

«Классицизм» В. О. Ключевского: языки и реминисценции

В. В. Дементьева¹

¹Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-1-8-21
УДК 929+81+94

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена анализу высказываний В. О. Ключевского об образовательном значении латинского и древнегреческого языков, которые автор расценивает как актуальные для современной подготовки студенчества, обучающегося на гуманитарных и социальных факультетах. Отмечается, что при проведении исследований по российской истории, превратившейся благодаря трудам В. О. Ключевского в подлинную науку, он не только использовал методы критики источников, выработанные при изучении древних обществ, но и применял стилистические приемы, отсылающие к Античности, ее культуре и мифологии. В. О. Ключевский в 1860-е гг. полагал необходимым расширение и углубление программ изучения классических языков в России, что было осуществлено позднее, в ходе реформ 1871–1872 гг., проведенных министром народного просвещения Д. А. Толстым, вызвавших шквал общественной критики, которую В. О. Ключевский иронично предвосхитил.

Ключевые слова: В. О. Ключевский; древнегреческий язык; латинский язык; Античность; реминисценции

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дементьева, Вера Викторовна	E-mail: vv_dementieva@mail.ru
	ORCID iD: 0000-0003-1305-3251
	Доктор исторических наук, профессор

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-018)

Создание В. О. Ключевским научной истории России имело одной из существенных опор методику анализа античных источников, разработанную во второй половине XIX в. С одной стороны, она служила для него образцом критики текстов, которая применялась в качестве действенного

© ЯрГУ, 2026

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

инструментария исследователя. С другой – позволяла при компаративном подходе выяснить специфику источниковой базы русской истории и находить новые приемы и способы раскрытия информации, содержащейся в документах и нарративах, к ней относящихся [1].

В основе глубокой ориентированности Ключевского в античной истории лежало блестящее знание древнегреческого и латинского языков, обусловившее как интерес к достижениям антиковедения, так и результативность использования выработанных в нем методов при изучении истории Отечества. Мысли Ключевского о значении классических языков для исторического и гуманитарного знания в целом представляются заслуживающими специального внимания. Погруженность Ключевского в греческую и римскую литературу на языках оригиналов позволила ему делать аллюзии и ретроспекции, обращенные к Античности, придавшие своеобразный колорит его исследовательскому почерку, который наглядно показывает неразрывность формы и содержания, что, к сожалению, иногда упускается из виду. Сказанным определяется двуединая задача данной статьи: концентрированно представить рассуждения Ключевского о необходимости изучения классических языков и показать характер его стилистических реминисценций, основывающихся на глубоком знании античного наследия в мировой культуре.

Осознание необходимости досконально владеть классическими языками пришло Ключевскому в юности, о чем красноречиво свидетельствует его переписка с родственниками и друзьями. После окончания Пензенской семинарии, где «львиная доля учебного времени уделялась древним языкам – латинскому и греческому» [2, с. 74], он в 1861 г. поступил в Московский университет.

Приобщение к классическим языкам началось еще в Пензенском уездном духовном училище в 1852–1856 гг. Стимулом к качественному изучению древних языков служили высокие требования на вступительных экзаменах на историко-филологический факультет университета. В ходе вступительных испытаний Ключевский получил по истории, русской словесности, греческому и латинскому языкам высшую оценку – «весьма удовлетворительно» [3, с. 127]¹.

¹ Строгость экзамена была предельной, экзаменовал вместе со старым гимназическим учителем известный филолог-классик профессор П. М. Леонтьев (спустя годы он хотел оставить Ключевского на своей кафедре). Открыв речь Цицерона против Катилины на произвольном месте, экзаменаторы попросили перевести с листа. Ключевский писал: «Я перевел строк восемь довольно опрятно. Затем началась грамматическая попытка; все формы глаголов, имен и пр., какие он спрашивал. Я ему честь имел доносить <...> То же по-гречески: написали только не перевод, а диктант; пробрал меня один учитель по формам склонения и спряжения, разобрал я ему диктант; он был верен, только ударение одно я поставил не так; учитель доносит Леонтьеву, что этот господин знает формы о т ч е т л и в о, только теорию ударений не совсем; я сижу у столика и думаю: “Каково? Из одной ошибки заключил. Ай да маэстро!”

На протяжении ряда лет Ключевский «заклинал» (по его собственному выражению) двоюродного брата Павла Ивановича Европейцева «заниматься по древним языкам» [5, с. 126]. Свои настоятельные увещевания Павлу Ключевский не оставлял в письмах родителям брата: «Я прошу его не бросать древних языков, заниматься ими больше всего: это не пропадет даром. Нужно положить себе за правило – перейти в риторику с умением свободно читать простую латынь, как, напр[имер], Юлия Цезаря или даже Кор[нелия] Непота, а по-гречески хоть знать хорошо грамматику, т. е. этимологию, если уж не станет сил дойти до свободного перевода. Вот бы мы заговорили тогда по-классически!» [6, с. 182–183].

Дискуссия с П. Европейцевым о необходимости изучения древних языков активно продолжалась в эпистолярном жанре. Ключевский обозначал позицию так: «Но подобно древнему Катону, который о чем бы ни говорил, всегда оканчивал речь роковыми словами “*Caeterum censeo Carthaginem esse delendam*”, и я повторяю Полю, что лат[инский] и гр[еческий] языки не должны никогда выходить из круга его занятий» [7, с. 240–241]. Брат возражал, полагая, что важнее учить новые языки. «Но древние языки – писал он, – к чему мы тратим столько времени на них? Лат[инский] хоть в медицине и ест[ественной] истор[ии] пригодится... но греческий?» Василий Осипович отвечал негодуя: «Для медицины и ест[ественной] ист[ории] нужно немножечко латинского, так, пустяки, несколько названий, а тут за ним сидят, сидят!.. И как досадно, что не только духовная школа, но и все европ[ейское] человечество тратило, тратит и, кажется, еще думает тратить столько дорогого времени за какими-нибудь Гомером, Фукидидом, Цицероном, Горацием et caetera! И что это за злая ἀνάγκη, что за неумолимая εἰμαρμένη, что за адское fatum, что новоевроп[ейское], христианское человечество с тех пор, как только стало помнить себя, сидит за этими язычниками и доселе не может отрешиться от грустного предрассудка, что уму-разуму надо учиться у этих чуждых нам людей и преимущественно черпать его из греч[еской] и лат[инской] грамматик! Итак, напрасно считал я этот вопрос порешенным, напрасно вопиял катонским “*Carthaginem esse delendam*”. Итак, я был βοῦ βοῶντος ἐν τῇ ἐρήμῳ!» [8, с. 242–243]. Возражая Европейцеву на его утверждение о том, что изучение классических языков – это мертвое образование, Ключевский писал: то, что лежит «мертвым куском в одной голове», «смотришь – прекрасно растет и приносит самые свежие плоды в другой голове» [8, с. 243]. У П. И. Европейцева нашелся еще один контраргумент: «классические языки слишком высоко поставлены в нашем образовании» [9, с. 246]. В. Ключев-

Сам Леонтьев изволил спросить меня об энклитических словах, а я изволил ему отвечать кое-что» [4, с. 136]. «За латинский язык и сочинение не допустили даже к продолжению экзамена» из 22 человек, экзаменовавшихся в одной аудитории, 20 человек [4, с. 137].

ский негодовал: «Неужели выучиться ошупью идти (по указке учителя) по какому-нибудь Саллюстию или Корн[елию] Непоту – значит потратить много времени и м н о г о с и л, как ты выражаешься? Зачем клеветать на русское образование, что оно заставляет тратить много времени и сил на древние языки? Эта клевета была бы отличным комплиментом ему, но, к сожалению, она – клевета, этого нет на самом деле» [9, с. 246]. Далее Ключевский приводил в пример Германию и Англию: «Там действительно теряют на них много времени, но не сил, а, напротив, приобретают от них громадные силы, делающие возможными такие явления в науке, как братья Гумбольдты, братья Гриммы, Лессинги, Фихте и проч., и проч. Как это умеют они делать – не нам с тобой допытаться. А на нашей бедной ниве просвещения – позволю выразиться несколько по-семинарски – поднимут вопрос о том, что-де если в учебной программе порядочные педагоги приняли ставить древние языки, то не мешало бы и нам подучить греческие и латинские грамматики – только этого и потребуют, не больше, – а глядишь, там уж в “Современнике” или “Русском слове” подняли страшный гвалт, зачем томить молодые, свежие силы над пустяками!» [9, с. 247].

Ключевский в юном возрасте понял, возможность какого полноценного приобщения к великому пласту культуры человечества дает знание древних языков, и находил аргументы в защиту их изучения. Заметим, что Л. Н. Толстой осознал то же самое в возрасте за 40 лет, будучи уже знаменитым автором романа «Война и мир». Он писал А. А. Фету в начале 1871 г.²: «С утра до ночи учусь по-гречески», – чем объяснял задержку в неделю с ответом на его письмо. Толстой, по его собственному признанию, даже оставил литературное творчество. Он сокрушался, что «никто не знает басен Эзопа», писал, что прочел «прелестного» Ксенофонта, готов тратить «немного напряжения», чтобы прочитать в подлиннике Гомера, который «только изгажен нашими, взятыми с немецкого образца, переводами». Толстой так обосновывал свою погруженность в изучение древнегреческого: «Во-первых, я наслаждаюсь, во-вторых, убедился, что из всего истинно прекрасного и простого прекрасного, что произвело слово человеческое, я до сих пор ничего не знал, как и все (исключая профес[соров], к[оторые], хоть и знают, не понимают), в-третьих, тому, что я не пишу и писать дребедени многословной вроде Войн[ы] я больше никогда не стану. И виноват и ей-богу никогда не буду». Конечно, литературный гений мог позволить себе уничижительно отозваться о своем грандиозном произведении, сопоставляя собственное творчество с высокохудожественными образцами античных греков, но заостренная

² Письмо сначала датировали декабрем 1870 г., но затем на основании переписки (Л. Н. Толстого с А. А. Фетом) датировка была немного сдвинута.

сравнением его мысль более чем показательна. Заканчивал рассуждения писатель выводом: «Можете торжествовать — без знания греческого нет образования», добавляя, что себе он уже доказал необходимость приобретения этого знания: «Но какое знание? Как его приобретать? Для чего оно нужно? На это у меня есть ясные, как день, доводы» [10].

Что касается расширения гимназической подготовки в области изучения классических языков, за что ратовал молодой Ключевский, то оно произошло вскоре после написания Л. Н. Толстым письма А. А. Фету, в ходе известной реформы 1871–1872 гг., предпринятой министром народного просвещения Д. А. Толстым. Неясно, знал ли позицию Толстого-писателя Толстой-министр; автор биографии Д. А. Толстого [11] И. Е. Барыкина сообщила в письме³, что особой симпатии между четвероюродными братьями Л. Н. и Д. А. Толстыми не было и друг о друге они отзывались негативно. Маловероятно, что Д. А. Толстой знал отношение к данному вопросу В. О. Ключевского, в год реформы еще только защитившего магистерскую диссертацию. Их знакомства И. Е. Барыкина не прослеживает, но располагает информацией, что Д. А. Толстой общался с научным наставником В. О. Ключевского С. М. Соловьевым, который, по свидетельству Ключевского, имел «основательное знание древних классических языков», так что профессор Д. Л. Крюков предлагал ему в свое время «специально готовиться под его руководством к занятию кафедры римской словесности» [15, с. 303].

Д. А. Толстой полагал, что наиболее способствуют развитию логического мышления математика, латынь и древнегреческий (объем преподавания классических языков в гимназиях в результате его преобразований достиг 40 % учебного времени). Д. А. Толстой проявил себя в ходе реформы гимназического образования, как отмечает И. Е. Барыкина, «не только убежденным, но и деятельным сторонником “охранительного направления”» [11, с. 117]. Однако А. В. Мамонов задается вопросом: «... Следует ли усматривать в спорах о “классическом” и “реальном” образовании непременно столкновение “охранителей” и “либералов”?» [16, с. 201], обращая внимание на то, что «идея резкого усиления роли древних языков в гимназическом курсе исходила от катковского кружка, вдохновлявшегося заветами Т. Н. Грановского». К тому же Толстой-министр «с большим

³ Благодарю Инну Евгеньевну Барыкину за предоставленную мне возможность в полном объеме ознакомиться с ее монографией и за письменную консультацию по вопросам биографии Д. А. Толстого. В этой книге, как отметил Е. А. Ростовцев, «нет ни идеализации, ни демонизации гр. Толстого» [12, с. 182]. О Д. А. Толстом писать «без гнева и пристрастия» очень сложно, в том числе и о его деятельности на посту министра просвещения [см., например, 13]; оценки «классического» образования последней трети XIX в. современниками и историками также неоднозначны [14].

пиететом» относился к С. С. Уварову, а с уваровской гимназией «поначалу "классицизм" ассоциировался» [16, с. 201].

И. Е. Барыкина призывает различать политическую и образовательную сторону реформы, акцентируя верную, на мой взгляд, мысль: «Из «толстовских» гимназий вышли поэты Серебряного века, обращавшиеся в своем творчестве к мотивам античной классики» [11, с. 125]. Для исторической науки и классической филологии усиление подготовки по древним языкам в среднем звене сыграло положительную роль. Знания будущих специалистов в этих областях закладывались на гимназической скамье. Д. А. Толстой, предпринимая решительные действия в сторону образовательного «классицизма», предварительно проанализировал результаты своих инспекций учебных заведений и опыт преподавания древних языков в Германии и Великобритании, размышлял над статьями М. Н. Каткова, «активно пропагандировавшего классическое образование» [11, с. 122], а «после утверждения своей концепции гимназической реформы, <...> убеждая не только словами, но и личным примером, он принялся за изучение древнегреческого языка, поскольку в Лицее изучал только латынь» [11, с. 125].

В 1875 г. министр Д. А. Толстой создал в Лейпциге Русскую филологическую семинарию для подготовки учителей древних языков. Потребность в них резко выросла, тем более что в созданных в ходе реформы реальных училищах латынь тоже преподавалась, получив «статус не обязательного, а дополнительного предмета» [11, с. 117]. Будучи историком российского образования и государственности, лауреатом Демидовской премии за работу по истории финансовых учреждений России, Д. А. Толстой понимал роль античного пласта для формирования культурного кругозора молодежи. Подтверждением тому служат открытие им Историко-филологического института в Санкт-Петербурге и преобразование Нежинского лицея в Историко-филологический институт; Демидовский лицей в Ярославле получил статус юридического, в котором весомую часть образовательной программы составило римское право и в профессорский состав вошли высококвалифицированные ученые-романисты – историки и юристы. Открытие университетов в Варшаве и Томске, где в XIX–XX вв. трудились выдающиеся представители гуманитарных наук, делает честь министру Д. А. Толстому. Расширение рядов студенчества (включая открытие высших женских курсов в четырех городах страны – Санкт-Петербурге, Москве, Казани и Киеве), увеличившегося примерно на 60 % после преобразований (с 5 до 8 тыс. чел. [12, с. 183], положительно повлияло на рост числа высокообразованных людей в стране. Полагаю, что надо отдать должное Д. А. Толстому и за увеличение в учеб-

ном процессе часов, отведенных на изучение древнегреческого и латинского языков, и углубление их изучения, о необходимости чего с юношеским задором писал В. О. Ключевский, предвосхищая в ироничном ключе негативную реакцию прогрессивной общественности на будущее нововведение и критически оценивая ее.

Ключевский читал и перечитывал античных авторов: «Попались мне в руки опять мои любимые классики, мой Саллюстий, Гораций, Вергилий – это мои старые знакомые; с другими только что знакомлюсь, как с Геродотом, Гомером, Ксенофонтом. Славное знакомство» [17, с. 138–139]. Он собирал посылки друзьям, отправляя в них сочинения греческих и римских писателей (по заказу, по собственному решению, по совету студентов, занимавшихся латынью и греческим). «Достал я греческую книгу – диалоги Платона с немецкими комментариями, – писал он 22 января 1867 г. однокласснику по Пензенской семинарии Порфирию Петровичу Гвоздеву; «Виргилия Вагнера имею в виду <...> Достал еще по дешевым ценам Ксенофонов “Anabasis”, к этому присоединяю Гомера Крузиуса, по которому сам учился, и лучшее издание Тацита – Вальтера, к сожалению, только один 2-й том – это в виде презента тебе. Все это ты должен обсудить и дать мне наискорейше отзыв» [18, с. 253]. 16 февраля того же года перечислял состав книг в отправленной посылке: «Цицерона два творения: “De natura deorum” и “Orator”; первое нахожу важным по содержанию, второе – по изяществу изложения»; в посылку были вложены «Энеида» Вергилия, “Captivi” Плавта, «Сатиры» и «Эпистолы» Горация, три томика «Диалогов» Платона, “Anabasis” Ксенофонта, несколько начальных книг Фукидида». При этом отправитель добавил: «Гомера и Тацита не мог найти; куда-то завалились во время моего отсутствия. Найду – пришлю» [19, с. 256–257].

Для себя и друзей Ключевский собирал методические пособия по изучению античной литературы и исторические сочинения по древней истории. 15 сентября 1869 г. он писал, продолжая переписку с П. П. Гвоздевым: «...Если посланное мною издание Горация с обозначением метрических схем недостаточно, то не поискать ли какого специального руководства к римской метрике: у немцев непременно есть <...> По мифологии не хочешь ли Преллера? Имеешь ли “Античную общину” Фюстель-Куланжа? Переведена Коршем сносно. Там остроумно указана связь античной религии с гражданским устройством Греции и Рима: тоже, значит, немножко по части мифологии» [20, с. 264]. Мысли греческих и римских авторов, новая литература по античной истории и литературе становились объектом обсуждения в письмах Ключевского, что выходит за рамки данной статьи.

Ключевский считал, что чтение античных произведений должно давать пищу для ума, развивать интеллект; он не принимал бездумные компиляции “à la Cicero” и на примере «одного товарища, знатока латинского языка и вообще любителя классической древности», показывал ущербность такого отношения к греко-римскому наследию, подчеркивая, что голова «сего господина любителя <...> кажется отроду не осенялась присутствием с о е й мысли <...> Не советую быть таким любителем классиков!» [21, с. 195].

Безусловно, студенческая подготовка способствовала развитию любви к классическим языкам и пониманию их значения как для приобщения к накопленной человечеством культуре, так и для совершенствования профессиональной подготовки историка с должным кругозором. Университетские занятия по классическим языкам подробно охарактеризованы Ключевским в письмах. Он подчеркивает словесные и поведенческие «вежливости» со стороны ученой братии и самый тщательный анализ античных текстов: «Проф[ессор] лат[инского] языка всегда так начинает нам свою лекцию объяснения Цицеронова “De officiis” (что мы теперь переводим, если можно назвать переводом самое микроскопическое рассмотрение каждого слова)...» [22, с. 149]. «Раз как-то вздумал я обратиться к тому же профессору лат[инского] яз[ыка] за объяснением одной темной фразы в “Tusculanae disputationes” Цицерона», – продолжает Ключевский и далее сообщает, что он профессора «продержал минут 15 в холодном коридоре», пока тот «путешествовал по нескольким книгам Цицерона, где у него замечены были фразы, объясняющие, в каком иногда смысле употреблял Цицерон глагол “contineo”» [22, с. 149–150].

Молодому Ключевскому доставляло удовольствие играть латинскими словами, он искал аналогии даже в морфологии слов русского языка. Завершая весьма объемное письмо П. П. Гвоздеву, он размышлял: «Прощай же, дружище (как филолог замечу, что “carissime” оч[ень] идет переводить «дружище»; там и здесь окончание длинное – issime – ище – сходно, не так ли?)» [23, с. 171].

В зрелом возрасте Ключевский в исторических сочинениях использовал художественный прием реминисценции, делая отсылки к образам и сюжетам античной истории, литературы и искусства, возникавшие в его памяти. Так, подвергая критическому разбору подход к написанию истории Н. М. Карамзина, Ключевский уподоблял знаменитого историка зрителю в античном театре: «У него каждое действующее лицо позирует, каждый факт стремится разыграться в драмат[ическую] сцену. По временам является на сцену и народ; но он остается на заднем плане, у стены, отделяющей сцену от кулис, и является обыкновенно в роли deus

ex machina или в виде молчаливой, либо бестолково галдящей толпы» [24, с. 274]. Карамзин-зритель «не заглядывает за исторические кулисы, не следит за исторической связью причин и следствий, даже как будто неясно представляет себе, из действия каких исторических сил складывается исторический процесс и как они действуют», его занимает «не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни» [24, с. 275], его интересуют «отвлеченные понятия долга, чести, добра, зла, страсти, порока, добродетели». Найденный Ключевским образ зрителя в античном театре позволил ему наглядно обрисовать суть позиции Н. М. Карамзина в отношении к исследовательским занятиям историка.

Ключевский использовал иногда события античной истории как точку отсчета в хронологических измерениях. Излагая взгляд И. Д. Беляева и И. Е. Забелина, отличающийся от отнесения начала русской государственности к середине IX в., Ключевский писал: «Следуя этому взгляду, мы должны начинать нашу историю задолго до р. х., едва ли не со времен Геродота, во всяком случае, за много веков до призвания князей, ибо уже до их прихода у восточных славян успел установиться довольно сложный и выработанный общественный строй, отлившийся в твердые политические формы» [25, с. 118]. Характеризуя Россию после петровских преобразований, он замечал: «Перед старой романо-германской Европой с выработанными формами общежития, с нормами порядка, превратившимися в общественные привычки и даже в предрассудки, с громадным запасом знаний, идей и материальных сбережений, накопившихся чуть не со времен Ромула и Рема, предстала новая русская Европа...» [26, с. 206]. Говоря о героическом походе А. В. Суворова через Альпы, он отмечал, что подобного «Западная Европа не видала со времен Ганнибала» [27, с. 413, прим. 11]. Иногда пример изучения человеком древнего автора является указанием на его молодой возраст: «но те, кто едва успел прочитать Корнелия Непота, когда был учрежден секретный комитет 1857 г., найдут в записках Самарина много нового и даже совсем неожиданного» [28, с. 32]. (Корнелия Непота изучали в 3–4 классах гимназии.)

Античные коннотации возникают на страницах «Курса русской истории» иногда в самых неожиданных местах. Описывая в красках совещание сановников о преемнике Петра и их долгие споры в ночь на 28 января 1725 г., когда император умирал, Ключевский отмечал: «При этих прениях в углу залы совещания каким-то образом очутились офицеры гвардии, неизвестно кем и зачем сюда призванные. Подобно хору античной драмы, не принимая прямого участия в развертывавшейся на сцене игре, а только

как бы размышляя вслух, они до неприличия откровенно выражали свои суждения о ходе совещания...» [29, с. 240].

Имеются у Ключевского упоминания античных божеств и муз, включенные в текст из стилистических соображений. Так, в характеристике С. М. Соловьева как историка-моралиста у него прозвучало: «Он видел в явлениях людской жизни руку исторической Немезиды или, приближаясь к языку древнерусского летописца, *знамение правды божией*» [30, с. 327]. В рассказе о побеге Наполеона с о-ва Эльбы в роли Немезиды является Бонапарт: «На этот раз Немезидой, карающей плутовство и вероломство, явился сам нарушитель общего мира и законного порядка – сам Наполеон» [31, с. 426]. Ключевский сравнивал обоготворенного предка у восточных славян – чура с Термом: «Охраняя родичей от всякого лиха, чур оберегал и их родовое достояние. Предание, оставившее следы в языке, придаёт чуру значение, одинаковое с римским Термом, значение оберегателя родовых полей и границ» [32, с. 134].

Ключевский использовал имена античных деятелей и авторов произведений как нарицательные. В набросках 1907–1911 гг. к LXXXIV лекции «Курса» он называет Наполеона «Атиллою новейших времен» [31, с. 424]. В лекциях по историографии о патриотической установке М. В. Ломоносова относительно замысла написания им русской истории Василий Осипович говорил: «Он хотел восполнить пробел в русской истории, он хотел сделаться русским Ливием, который “открыл бы миру древность и славу русского народа”» [33, с. 195].

В лекциях и статьях Ключевского имеются упоминания античных мыслителей, историков, авторов художественных произведений – Гомера, Геродота, Фукидида Анакреонта, Анаксимандра, Гераклита, Демокрита, Фалеса, Аристотеля, Платона, Протагора, Демосфена, Ксенофана, Ксенофонта, Страбона, Квинта Курция Руфа, Птолемея, Плутарха, Плавта, Теренция, Плиния Младшего, Саллюстия, Овидия, Вергилия и др. Чаще других он упоминал Тацита. В «Курсе русской истории» привел в примечаниях и полную латинскую цитату из «Германии», указав издание А. Клеванова [34, с. 411, прим. 5].

Ключевский использовал латинские выражения с целью подчеркнуть суть своей мысли. «Tempora mutantur et nos mutamur in illis...», – писал он по поводу восприятия Александром I после пересечения западной границы России 1 января 1813 г. изменившегося европейского мира и изменения восприятия русского императора в глазах этого мира [31, с. 422]. Перевода он не приводил, этот афоризм читающей публике был хорошо известен. О том, что собой представлял Сенат при Петре, Ключевский писал с использованием таких распространенных латинских выраже-

ний: «Alter ego царя в глазах народа, ежеминутно чувствующий над собою царское quos ego, – такова первоначальная идея Сената, если только какая-либо идея участвовала в его создании» [35, с. 150]. Употреблял нередко *a priori*, *modus vivendi*, *ad hoc*, *pia desideria* и др. Мог применять латинские существительные для характеристики коллег-историков, определив, что И. Е. Забелин как ученый – *speculator* [36, с. 379]. Через стилистические реминисценции, обращенные к Античности, Ключевский достигал большой точности в характеристике явления или лица российской истории и историографии.

Знания древнегреческого и латинского языков дали возможность В. О. Ключевскому не только иметь в лице антиковедческой критики источников образец для разработки научного источниковедения российской истории, они позволяли ему использовать аллюзии, стилистические конструкции, позволявшие – пусть даже одним только насыщенным вербальными красками и тонким смысловым штрихом – сделать полотно прошлого Отечества колоритным, впечатляющим читателя и слушателя.

Актуально звучат строки писем молодого Ключевского о необходимости изучать классические языки для развития интеллекта. Их следует обратить далеко не только к тем, кто профессионально занимается европейской древностью, но и к юношеству, изучающему историю России. Речь о тех константах, которые формируют основу эрудиции человека, получающего университетскую подготовку на социальных и гуманитарных факультетах, а также о воспитании гражданственности и патриотизма, которыми пропитаны сочинения античных авторов, что крайне важно в преддверье начавшегося обновления системы высшего образования на современном этапе.

Ссылки

1. Дементьева В. В. Методика анализа античных источников как образец для В. О. Ключевского при создании научной истории России // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2024. Т. 11, № 2. С. 99-105. DOI 10.24147/2312-1300.2024.11(2).99-105
2. Нечкина М. В. Юные годы В. О. Ключевского // Вопросы истории. 1969. № 9. С. 67-90.
3. Ключевский В. О. Письмо И. В. и Е. Ф. Европейцевым от 19 августа 1861 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 126-129.
4. Ключевский В. О. Письмо П. П. Гвоздеву от 3 сентября 1861 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 129-138.

5. Ключевский В. О. Письмо П. И. Европейцеву от 26 июля 1861 г. // Ключевский В. О. Сочинения: 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 123-126.
6. Ключевский В. О. Письмо И. В. и Е. Ф. Европейцевым от 2 декабря 1861 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 180-183.
7. Ключевский В. О. Письмо И. В. и Е. Ф. Европейцевым от 12 августа 1864 г. // Ключевский В. О. Сочинения: 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 238-241.
8. Ключевский В. О. Письмо П. И. Европейцеву ранее 28 октября 1864 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 241-246.
9. Ключевский В. О. Письмо П. И. Европейцеву от 28 октября 1864 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 246-247.
10. Толстой Л. Н. Письмо А. А. Фету (№ 321) от 1(6) января 1871 г. URL: <https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1863-1872/letter-241.htm> (дата обращения: 30.07.2025).
11. Барыкина И. Е. «Типичный петербургский чиновник» граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823-1889): опыт биографии министра. СПб.: Нестор-История, 2022. 295 с. EDN JUUICW
12. Ростовцев Е. А. «Человек системы» // Российская история. 2024. № 4. С. 182-186. DOI 10.31857/S2949124X24040195
13. Любжин А. И. Самый лучший и самый нелюбимый министр народного просвещения // Медиапроект «Стол» (s-t-o-l.com). 2023. URL: <https://s-t-o-l.com/russkaya-zhizn/36708-luchshiy-i-samyu-nelyubimyy-ministr-narodnogo-prosveshcheniya/> (дата обращения: 29.07.2025).
14. Любжин А. И. Классическая школа: мнимый провал? Комментарий к статье Э. Д. Днепров «Кризис общего среднего образования в конце XIX в.». // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 253-256. EDN JWJFNB
15. Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьев // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 7. С. 303-317.
16. Мамонов А. В. Просвещенный реакционер // Российская история. 2024. № 4. С. 191-206. DOI 10.31857/S2949124X24040218
17. Ключевский В. О. Письмо В. В. Холмовскому от 27 сентября 1861 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 138-143.
18. Ключевский В. О. Письмо П. П. Гвоздеву от 22 января 1867 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 251-254.
19. Ключевский В. О. Письмо П. П. Гвоздеву от 16 февраля 1867 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 256-257.
20. Ключевский В. О. Письмо П. П. Гвоздеву от 15 сентября 1869 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 263-266.
21. Ключевский В. О. Письмо П. П. Гвоздеву от 14 февраля 1862 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 194-201.

22. Ключевский В. О. Письмо П. П. Гвоздеву от 11 октября 1861 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 149-157.
23. Ключевский В. О. Письмо П. П. Гвоздеву от 27 октября 1861 г. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 161-171.
24. Ключевский В. О. Н. М. Карамзин // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 7. С. 274-279.
25. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция VII // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 116-127.
26. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция LXIX // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 205-235.
27. Ключевский В. О. Набросок к разделу «Внешняя политика России в XIX в. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. С. 413-414.
28. Ключевский В. О. Крепостной вопрос накануне законодательного его возбуждения // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 8. С. 31-49.
29. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция LXX // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 236-256.
30. Ключевский В. О. С. М. Соловьев как преподаватель // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 7. С. 320-351.
31. Ключевский В. О. Наброски 1907-1911 гг. // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. С. 421-427.
32. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция VIII // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 128-142.
33. Ключевский В. О. Лекции по русской историографии. Лекция II // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 7. С. 190-195.
34. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция XVII. Примечания // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 411-412.
35. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция LXVI // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 134-157.
36. Ключевский В. О. Д. И. Иловайский и И. Е. Забелин // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 7. С. 379.